

датировки сигиллографического материала. Трудности, однако, проявляются уже в том, что принципы классификации издателей не являются взаимоисключающими: так, на «иконографических» печатах встречаются монограммы обоих подтипов — крестообразные и образующие блок, и, следовательно, возникает потребность в выделении переходного типа, отличающегося признаками 2-го и 5-го типов. Далее, печати с изображением орла — по самому определению не самостоятельный тип, а подтип иконографических моливдовулов.

Формально-стилистическая классификация связывается с хронологическим принципом, но непоследовательно. Только печати первого типа располагаются в строгой хронологической последовательности, и это, кстати сказать, позволяет лучше представить изменение формулы таможенных моливдовулов: около 730 г. личная формула: «Такой-то (имя и титул) коммеркиарий такого-то «склада» (ἀποθήκη)» — заменяется безличной: «(Печать) царских коммеркиев такой-то местности» (с. 135 и сл.). Иконографические печати разделены на три периода: доиконоборческий, иконоборческий и послеиконоборческий, а внутри периодов — на группы по характеру изображений. Во всех остальных случаях печати располагаются в алфавитной последовательности имен их владельцев, т. е. без какой-либо попытки периодизации или классификации. Алфавитная последовательность годна лишь для ориентации и дается в индексе. Если бы и здесь расположить материал в ориентировочно-хронологической (по большим периодам) последовательности, можно было бы заметить некоторые особенности развития моливдовулов. Так, можно было бы видеть, что изделия 6-го типа крайне редки во второй половине IX в. (только два — № 1412 и 1521), тогда как среди печатей 7-го типа я насчитал 102 памятника второй половины IX в. и 21 — конца IX—начала X в. Не вправе ли мы предполагать, что печати с простыми инвокативными монограммами уступают в IX в. место более сложному виду печатей с надписью, размещенной на полях вокруг креста?

Присматриваясь к классификации Закоса и Веглери, мы замечаем, что рубеж IX—X вв. выбран в качестве грани, завершающей первый том, довольно случайно. В самом деле, печати 1-го типа перестали изготавливать вскоре после 832 г. (№ 285 — последний среди них); в истории иконографических печатей иконоборчество явилось существенным поворотным моментом, во всяком случае, печати с изображением орла не возродились после иконоборчества (с. 489), и, по-видимому, то же самое относится к печатям с изображением Христа; моливдовулы 6-го типа практически исчезают к середине IX в. Моливдовулы с билатеральными надписями издатели доводят в этом томе тоже только до 850 г. (с. 549). Короче говоря, собранный в книге материал показывает, что середина IX в. была бы более естественной гранью, нежели избранный издателями рубеж IX и X в.

Ценность публикации Закоса и Веглери неоспорима. Отмечу в заключение, что она содержит и печати, непосредственно относящиеся к истории нашей родины, в том числе печати должностных лиц Херсона: архонтов (№ 1973, 2345, 3106, 3113), эксусиаста (№ 2526), стратига (№ 2325 А). Удобные индексы облегчают использование этой важной книги.

А. К.

Nicetas Magistros. Lettres d'un exilé (928—946). Introduction, édition, traduction et notes par L. G. Westerink. Paris, 1973, 154 p.

О писателе по имени Никита Магистр К. Крумбахер мог сообщить лишь весьма скудные сведения: он знал только, что сочинения Никиты сохранились в рукописи Бодлеянской библиотеки (Bodl. Miscell. 242, XVI в.) — в сборнике писем «последних времен империи»¹. Теперь Л. Вестеринк, издатель сочинений Арефы², опубликовал наследие Никиты, используя шесть рукописей, в том числе Vindob. phil. gr. 342,

¹ *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 497.* Впрочем, к этому времени уже существовало издание А. Май (*Mai A. Nova Patrum Bibliotheca, VI, 2. Romae, 1853*), опубликовавшего несколько писем Никиты по Ватиканской рукописи.

² См.: ВВ, 35, 1973, с. 275—276.

XI в. и Vatic. gr. 306, XIII—XIV в. Многие письма были изданы уже до него: по Бодлеянской рукописи — С. Ламбросом, по Ватиканской — А. Май (текст Ватиканской рукописи в настоящее время читается плохо, и Вестеринку приходилось во многом полагаться на прочтение Май).

31 послание Никиты поражает бедностью реального содержания: беглое упоминание руги (№ 18.13; ср. № 22.46) да рассказ о реке Гермос, выносящей «железо», которое затем море выбрасывает на берег в виде песка, а прибрежные жители выплавляют в горнах (№ 5.12—24), — вот как будто и все, что Никита сообщает о хозяйстве и обществе Византии X в., если не считать титулатуры и просопографических данных. Сохранились в письмах и кое-какие намеки на события политической истории: так, Никита пишет о трехлетней отлучке патрикия и мистика Иоанна, ездившего с посольством к варварам-язычникам; Никита спрашивает Иоанна, не чтили ли его варвары как бога, принося ему в жертву золоторого быка (№ 11.20—28). Кто эти варвары, из письма неясно: Вестеринк предполагает (с. 36; ср. с. 81), что ими могли быть венгры, печенеги, русские или хазары.

Гораздо важнее письма Никиты для понимания атмосферы, царившей в среде византийских интеллектуалов — современников Константина VII. Античная образованность захлестнула Никиту: письма его изобилуют цитатами из античных авторов, аллюзиями на мифы и исторические события древности. Вестеринк отмечает 46 случаев цитирования Гомера, 21 — Гермогена, 16 — Геродота, 10 — Плутарха, 9 — Еврипида и т. д., тогда как Ветхий завет цитируется 21 раз, Новый — 28, а из отцов церкви отмечен лишь один пассаж Григория Богослова, цитированный трижды (с. 148—150). Зевс упомянут 10 раз — столько же, сколько встречается слово θεός, бог (с. 142: я оставляю в стороне те случаи, когда θεός обозначает Аполлона или употреблено во множественном числе); впрочем, одно из этих упоминаний «бога» (№ 22.31) явно относится к языческому божеству. Для «наступления» античной историко-мифологической лексики очень показателен пассаж из письма патрикию Иоанну, где Никита просит своего адресата: «Ты будь всем для всех, как рассказывают об Алкивиаде» (№ 12.31). Но выражение «был всем для всех» — слова из послания Павла (I Кор., 9.22), у Никиты же античный образ как бы заслонил новозаветную традицию.

Творчество Никиты — отличный образец того псевдоренессанса X в., который получил недавно столь безжалостную характеристику П. Лемерля и наиболее заметными выразителями которого явились Арефа и Константин Багрянородный: усвоение античного наследия остается поверхностным, формальным, затрагивающим скорее номенклатуру эллинской культуры, нежели ее сущность.

И все-таки в письмах Никиты иногда проступают такие мотивы, которые затем, в XI и XII вв., приобретут особое значение. Он прославляет не только родовитость (γένος), воспитание и знания своего корреспондента (№ 23.2), что могло бы быть топомом античной энокмастики, но и с гораздо большей страстностью — дружбу: «То, что посоветует друг, свободно от подозрений», — восклицает Никита (№ 22.54—55), — мысль, которая была бы близка Пселлу, но от которой в ужасе отшатнулся бы Кекавмен.

Во введении Вестеринк восстанавливает жизненный путь Никиты. Кроме самих писем, материалом ему служат упоминания в хрониках: в 919 г. Никита был одним из ближайших сподвижников Романа Лакапина; дочь Никиты София, вышедшая замуж за Христофора Лакапина, считалась одно время августой, а ее дочь Мария вышла за болгарского царя Петра. Однако блестящая карьера магистра Никиты оборвалась: он был обвинен в том, что подстрекал Христофора против отца, и в наказание сослан и пострижен. Именно ко времени изгнания (928—946) и относятся публикуемые письма с их традиционными жалобами на трудности и беды. Впрочем, Никита сохранил какие-то земли (γῆδιον), возделывать которые он был непривычен (№ 19.12), и оказался в состоянии возвести там церковь (№ 8.28), а позднее друзья выхлопотали ему ругу. Иоанну, патрикию и мистика, он обещал прислать лошадь, но хотел обязательно найти хорошую, а не жалкую конягу (№ 18.17—21).

Для восстановления биографии Никиты Вестеринк допускает ряд гипотез, из которых наиболее важны две: 1) письма Никиты расположены в рукописях в хро-

нологическом порядке; 2) Никита Магистр, автор «Жития Феоктисты», идентичен автору писем. Последнее предположение позволяет установить некоторые факты из жизни Никиты до 919 г.: агрограф сообщает там, что он служил под командованием Имерия (при Льве VI) и участвовал в переговорах с арабами.

Никита происходил из Лариссы (№ 23.7—8). Он был близок к магистру Косме (№ 17) и его брату Сергию (№ 28) — племянникам патриарха Фотия, занимавшим высокие посты при Романе I. «Фотианские» связи хорошо соответствуют тому месту в интеллектуальной среде, какое занял вельможа — магистр Никита. По всей видимости, он принадлежал к той части византийской провинциальной аристократии, которая поддержала «выскачку» Лакапина.

Письма публикуются с переводом и комментариями. Отмечу два-три спорных места в переводе. № 12.29: *οἰκονομεῖς* Вестеринк переводит: «выполнять обязанности эконома», но по контексту скорее: «заботишься [о павших, тогда как другие бессильны помочь]». № 12.37: *μεσιτεῦσων* — «первый министр»; на самом деле речь идет о том, что Иоанн является посредником или заступником перед василевсом. № 20.9: *τῆ δὲ Ἑλλησπόντου κλίματι* означает не «широты Геллеспонта», а «область Геллеспонта».

Просопографический словарь и удобные индексы завершают издание.

А. К.

R. Maisano. L'Apocalisse apocryfa di Leone di Costantinopoli. Napoli, 1975, 179 p.

Итальянский ученый Р. Маизано критически издал апокрифический апокалипсис Льва Константинопольского, принадлежащий к типу видений Псевдо-Даниила. Текст (с. 67—112) снабжен критическим аппаратом, где указываются источники апокрифа (библейские и небиблейские) и рукописные разночтения; он сопровождается лингвистическим комментарием (с. 121—148), итальянским переводом (с. 149—167) и указателями имен и наиболее примечательных греческих слов (с. 171—177). Во введении Маизано характеризует рукописную традицию (с. 55—63), литературные (с. 25—31) и языковые (с. 43—54) особенности памятника, его историческое содержание (с. 33—41). Суммируя все эти данные, исследователь восстанавливает историю апокрифического апокалипсиса Льва.

Памятник дошел до нас только в поздних списках, древнейший из которых, Ватиканский № 1865, датируется XIV в. Маизано разделяет рукописи на три редакции: *a*, *b* и *c*, что, впрочем, является некоторой натяжкой, так как второй по старшинству манускрипт, Афинский № 2187, XV в., не принадлежит ни к одной из этих редакций (с. 56) и выпадает из стройной схемы. Согласно гипотезе Маизано, история памятника весьма сложна: «первоначальное ядро» охватывало гл. 1—3 и 13—20; затем к нему была прибавлена история Стефана (гл. 4—11) и других мучеников (гл. 12). Так образовалась анонимная редакция *b*, возникшая в начале IX в., при Никифоре I (802—811), в правление которого Псевдо-Даниил ожидает наступление конца света (с. 19 и сл.). В XII в. другой автор переработал текст, прибавив, в частности, гл. 21—30 и введя рассказ о борьбе Еноха и Илии против Антихриста. На двух рукописях этой редакции (*a*) стоит имя Льва Константинопольского, которого Маизано считает автором переработки XII в. Однако он отказывается от идентификации Льва с константинопольским патриархом Львом Стипом (1134—1143), чье имя стоит в надписании в Венецианской рукописи (Marcianus gr. II, 101, XV—XVI вв.), но считает Льва священником в соответствии с Андросской рукописью (Агиа 9, нач. XVI в.) (с. 22 и сл.). Правда, на мой взгляд, возражения против авторства Льва Стипа недостаточно строги. Наконец, еще позднее появилась другая переработка — редакция *c*, основанная исключительно на версии *b* в 20 главах.

Маизано, несомненно, прав, подчеркивая, что апокриф вышел из монашеской среды (с. 23, 40): по мысли Льва (стк. 689—709), монашество — единственный общественный разряд, который после Страшного суда, безусловно, попадет в рай. Но у меня нет уверенности, что первоначальное ядро апокрифа действительно сло-